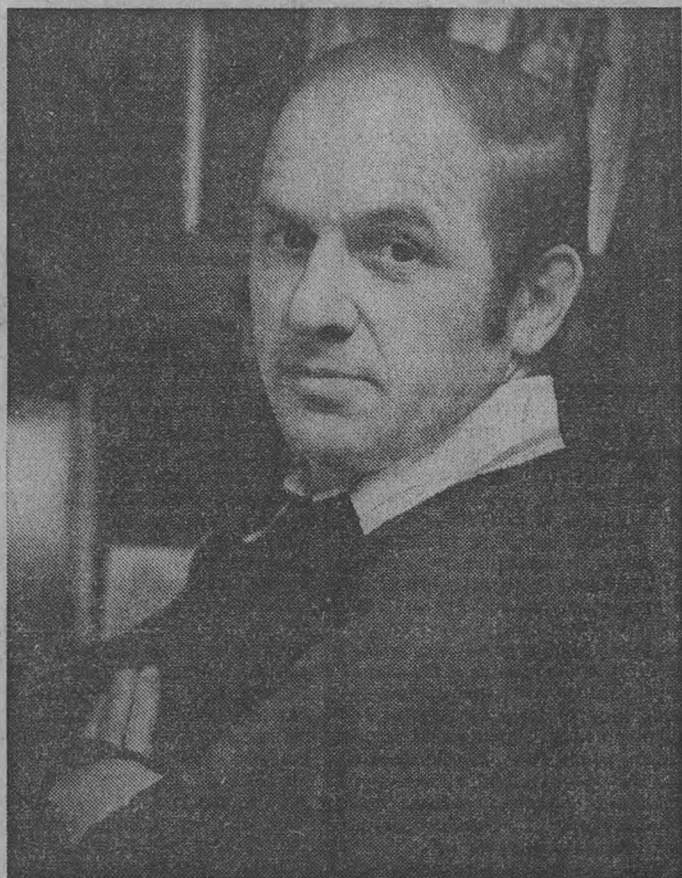

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

ЕГО РОЛИ

Л. БЕНИАМИНОВА

В первые минуты общения он как-то даже подавляет — невысокий, очень энергичный человек с быстрыми движениями и особой манерой строго и проникательно вглядываться в собеседника.

Когда я готовилась к встрече с артистом Театра на Малой Бронной Львом Константиновичем Дуровым, то на всякий случай, чтобы ничего не позабыть, набросала себе вопросы. Однако первые четверть часа спрашивал он. Потом (уж и не помню, по какому поводу) вдруг так заразительно и весело расхохотался! Вмиг исчезла вся строгость. Остался другой человек: добрый, обаятельный, чуть грустный.

— Но ведь он такой и есть на сцене, — вправе тут заметить читатель.

И действительно. Создать, например, образ кровопийцы Иудушки Головлева или дельца-приобретателя Чичикова Дурову, пожалуй, было бы по-человечески очень тяжело. То есть, несомненно, талант и мастерство позволили бы ему по-своему раскрыть сущность этих явлений. И все же... Ему ближе то, что требует сопереживания.

Невозможно не сопереживать с его Чебутькиным («Три сестры»), Тибальдом («Ромео и Джульетта»), Колбком («Трибунал»), капитаном Снегиревым («Брат Алеша»), Сганарелем («Дон Жуан»), Жевакиным («Женитьба»). Ярко и страстно, в манере бурлеска артист раскрывает всю красоту «маленького» человека с большим сердцем. Как никто другой, умеет он перемешать, слить воедино трагическое и комическое, поднять своего героя на большую нравственную высоту.

Может быть, поэтому режиссер Анатолий Эфрос особенно доверяет артисту, доверяет его неутомимому интересу в исследовании характеров «негероев»? Дуровские образы, как правило, приближаются к «материализации» на сцене сверхзадачи спектакля. И знаменитая гоголевская комедия, как это ни парадоксально, именно благодаря умопомрачительно смешному Жевакину обрывается социально-психологической драмой. Дуров передает не только совершенно невероятную внешнюю сторону событий, но то, что, по словам Гоголя, «темно, чрезвы-

чайно темно... уму непонятно»...

Капитану Снегиреву катастрофически не везет. Полоумная жена, непристроенные дочери, смертельно больной сын. И при этом страшная нужда. Но вот добрая душа, Алеша Карамазов, хочет помочь ему. Однако капитан отказывается взять деньги... Для Дурова это не просто сюжетный штрих, но нравственная позиция — даже в самом малом, даже доходя до абсурда, его герой предпочитает не идти на компромисс с собственной совестью.

Особенность страстной и какой-то даже отчаянной исполнительской манеры позволяет артисту подчинить внешние коллизии своему миропониманию и «высветить» волнующую его проблему. Поэтому Снегирев и позже Сганарель передают весь пафос актера: человека, богатого духовно, обладающего высокой нравственной силой, не сломить.

Его почти невозможно заставить говорить о себе. Зато с какой любовью рассказывает Лев Константинович о своих учителях.

— Когда после войны мы пришли в школу-студию МХАТа, кроме рвения молодости и довольно смутных представлений о театре, о работе актера, ничего не было.

Культуру в высшем смысле этого слова и любовь к самым разным видам искусства призывал нам Георгий Авдеевич Герасимов. Очень уж умел он «выбивать» из человека жлобство и невежество.

— То, что, придя в театр, на сцене я почувствовал себя как дома, несомненно, заслуга Блиникова. От него мы уходили не выпускниками, но готовыми актерами. В дипломном спектакле — «Егоре Булычове» — я играл Труба-ча. Позже снялся в этой роли в кино. И все-таки, мне кажется, выпускная работа была интереснее.

Дуров много рассказывает об Анатолии Васильевиче Эфросе.

— Мы работаем вместе 20 лет. И все мои лучшие роли связаны с его именем. Я вообще считаю, что такие постоянные содружества режиссера и актера — вещь полезная. На понимание друг друга, на объяснения и выяснения, на все второстепенное тратится минимум времени. Кроме того, Эфрос — большой психолог...

Я спросила Льва Константиновича, кем бы он стал, если бы не был актером.

— Кто во мне гибнет сейчас, так это столяр-краснодеревщик. Люблю с деревом возиться.

А я ловлю себя на том, что не могу представить Дурова в состоянии даже относительного покоя. Чтобы он выпиливал или просто телевизор смотрел. Наверное, это происходит оттого, что напрочь отсутствует в этом человеке эдакое «сценическое спокойствие», чувство своей весомости и значимости. Существует, пожалуй, даже обратная зависимость: чем больше он играет, чем удачнее получается образ и, естественно, больше успех у аудитории, тем меньше в нем остается театрального, «артистического».

Одна из последних ролей артиста (работа над ней еще не завершена) — молодой ученый в спектакле «Снятый и назначенный» Я. Волчека. Работа, не характерная для репертуара Дурова. Я прошу рассказать о ней подробнее...

— Пожалуй, за последнее время это будет моя вторая большая роль в пьесе советского автора. Мой герой хочет создать идеальную организацию труда в НИИ. Но это, оказывается, не так-то легко. Наука управления людским коллективом ничуть не проще науки как таковой. Дорого дается молодому ученому эта истина. Мне хочется передать всю сложность его взаимоотношений со Стариком — всемирно известным ученым, место которого молодой решил занять, уверенный, что сможет сделать для науки больше.

— Признаться, встреча с современным лицом к лицу — это необычайно интересно и сложно. Пытаюсь делать кое-какие «примерки», кроме непосредственных репетиций. На экраны вышел фильм ленинградских кинематографистов «Последний день зимы». Мой бригадир строителей — творческая личность. Он из тех, кто ломает застой. Для него немыслим подход: «хорошо выполнять свои обязанности, даже в передовиках ходить и в то же время быть потребителем». Думаю, что бригадир в кино сумеет во многом помочь ученому на сцене...

Когда слушаешь Дурова, понимаешь: он увлечен новой работой. Увлечен, как и тогда, когда создавал великолепных Сганареля («Дон Жуан») с его участием в 1974 году получил всемирное признание на театральном фестивале в Югославии), капитана Снегирева и других. Школа у него прекрасная. Классические образы настоятельно требуют умения перевоплощаться, как бы отходить от себя. Предельно злободневный образ современника дает артисту возможность выразить определенный тип и характер по-новому — не на образе униженного и оскорбленного маленького человека, но советского ученого, полновластного хозяина своей судьбы. Раскрыть свою творческую формулу «реализм + философичность + интеллект».

Последнее, о чем я спрашиваю Дурова, это о его мечте, о той роли, которую пока еще нет возможности сыграть...

— Наверное, такая роль есть у каждого артиста. Для меня — это царь Федор Иоаннович.

Слова Льва Константиновича воскрешают воспоминания о его Чебутькине: истерзанном жизнью и в то же время несломленном... Если суждено быть царю Федору — Дурову, то можно с уверенностью сказать: явление это будет интересным и значительным. Потому что залогом являются все творчество артиста, его самоотверженность и талант.

● Артист Л. Дуров.

Фото А. Рубашкина.